

Друг Караваджо

Геннадий Кучерков

Геннадий Кучерков Друг Караваджо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70164448

SelfPub; 2024

Аннотация

О человеке не удовлетворенном данными ему природой способностями, его претензиях к Богу-творцу, его усилиях достойно пройти жизненный путь, несмотря на ограниченные возможности; о поиске им сферы приложения своих сил для удовлетворения потребности души; о его знакомстве с искусством Великого мастера, психо-эмоциональной реакции и мистическом погружении в атмосферу жизни и творчества Караваджо; о медицинском феномене – летаргическом сне. Автором стихов в тексте и обложки книги является автор этого произведения.

Содержание

Богом обиженный	5
Выставка Караваджо	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Геннадий Кучерков

Друг Караваджо

Неведома нам Логика Природы,
Вершителя суд**еб** нам не понять.
Заложена в инстинкты лишь готовность
Приоритет Небес во всем признать....

Прибрать тебя к рукам
Однажды Смерть захочет.
Нет ничего здесь личного,
Творца обычный бизнес.
Согласие твоё?
С какой, скажите, стати,
Коль не давал его ты на зачатъе?...

Богом обиженный

ОН отметил свой семидесятипятилетний юбилей в одиночестве двумя бокалами сухого Шардоне. И совершенно не переживал, что не с кем было чокнуться. Последние лет двадцать одиночество постепенно становилось его образом жизни. Впрочем, и раньше оно его не тяготило, если случалась такая удача и ОН оставался надолго один. Однако семья, дети, друзья и прочие «вечные традиционные ценности» крепко держали его в своих объятиях. Но дав образование сыну, оставив квартиру бывшей жене, отутюжив свой пенсионный стаж от и до, и отказавшись от мысли повышать размер пенсии ежегодными подработками, ОН переехал в другой город и погрузился в уют пенсионного одиночества на долгие годы.

Это был его последний кульбит в жизни. А до этого их уже было три. И все случилось исключительно по его собственной инициативе, неадекватные проявления которой кое-кто называл просто «дурыю». Первым кульбитом стала подача заявления об отчислении из института по собственному желанию и уход в армию. Вторым – отказ от синекуры и завидной кормушки в виде работы в Комитете по связям с зарубежными молодёжными организациями, куда был распределён по окончании уже другого вуза. Кто-то сильно сомневался, что после этого шага его можно было считать умным че-

ловеком. А ОН – безродный иногородний без всяких связей, так никогда и не понял, почему удостоился такого завидного распределения.

Придя в Комитет на собеседование, ОН ещё больше удивился, поняв, что там хотели бы его оставить. Ни проверки знания языка, ни никого-либо выяснения политической лояльности, о чем его предупреждали, направляя в эту организацию, не было. То ли в Комитете возникла неожиданная нехватка кадров, то ли по каким-то другим причинам, но в начальственном кабинете ему откровенно выставили «приманку», намекая, что основной «трудностью» в его работе будут частые заграничные командировки. В структурных подразделениях, по которым его провели для знакомства с коллективом, молодые мужчины и женщины, одетые сплошь во все заграничное, первым делом бесцеремонно оглядывали его с ног до головы. В своём дешёвом советском ширпотребе ОН выглядел на их фоне простовато. Наверно, имея в виду этот больной для советской молодёжи вопрос «шмоток и тряпок», они, кто приветливо, кто покровительственно, едва ли похлопывали его по плечу, давая ему понять: «Давай, оставайся, вот пару раз съездишь ТУДА и все нормализуется». Но «шмотки» его никогда особенно не

интересовали. ОН отказался от этого заманчивого места, интуитивно опасаясь связывать свою жизнь с учреждением, обслуживающим идеологию, которая к тому времени местами уже отдавала мертвечиной. И о сделанном им тогда ша-

ге ОН никогда не пожалел. Спустя несколько лет случился неожиданный крах той, казалось бы, несокрушимой системы. Но ОН ему не радовался, хотя и догадывался о его неизбежности.

Третий кульбит случился несколько лет спустя и произошёл после защиты кандидатской диссертации, когда он отказался от предложения остаться на кафедре и на двадцать пять лет «забурился» простым доцентом на Дальний Восток. И это при наличии московской прописки и 22 квадратных метров жилплощади с трёхметровым потолком в трёхкомнатной (всего-то!) коммуналке сталинской постройки почти в центре Москвы. Кто только не крутил тогда пальцем у виска.

Выход на пенсию день в день в 55 лет по льготе работника зоны, приравненной к условиям Крайнего Севера, и возвращение на «материк» в Подмосковье, был четвертым поворотным моментом его биографии.

И вот теперь, спустя почти два десятка лет, по внутреннему душевному беспокойству, обычно охватывавшего его в преддверии каждого крутого поворота в жизни, ОН догадывался, что назревает ещё один зигзаг судьбы.

ОН не был сибаритом по жизни и не стал им на пенсии. Бесцельное времяпровождение его тяготило. ОН вообще не умел отдыхать, и редко, когда отпускные недели не становились для него испытанием. Но ещё в предпенсионные годы, выкарабкавшись из инфаркта и маясь бездельем на бюлле-

тене, ОН как-то неожиданно для себя пристрастился к живописи маслом. И это стало смыслом жизни и ежедневной потребностью для него на многие годы, причём, потребностью намного более притягательной, чем прежняя работа. ОН имел дело со студентами первых курсов, а с 90-х годов «студент пошёл уже не тот», как говорили в преподавательской среде, с другим целеполаганием. И та, прежняя, его работа стала ему просто скучна.

Увлёкшись живописью, ОН отказался от освоения теории живописного мастерства, не придерживался какого-либо направления или живописной техники. Однако ОН был все-таки научно-педагогическим работником и понимал значение теории в любом серьёзном деле и попробовал что-то почитать. Но его поджимало время. На выпуске после АКШ кардиохирург откровенно сказал ему, чтобы не рассчитывал больше, чем на пару-тройку лет. Поэтому ОН ограничился практическими руководствами по живописи, которые ему натащили коллеги, узнав о его новом увлечении.

Естественно ОН не мог не побывать на выставках местных художников, не пообщаться с ними. Эти бородатые рядовые профессиональные мастера разных возрастов почти единодушно быстро разрешили все его вопросы о стилях и направлениях в современной живописи, его сомнения в своих способностях.

«Забей! – сказали они ему. – Не бери в голову эту муру искусствоведческую. Работай, как умеешь, если душа просит.

Главное, чтобы она просила. Не думай, что о тебе скажут, не жди похвал. Дурацкий вопрос о способностях! Написал, тебе самому понравилось, дуй дальше. Какие там особенности техники? Окунул кисть в краску и вперёд. Что получится, то получится. А вот с рисунком лучше не связывайся. Рисунку нужно учиться долго и упорно. Здесь, конечно, маломальские способности нужны».

ОН никогда с рисунком и не связывался, писал, как бог на душу положит, и на том, что было под рукой, перемеживая холст с оргалитом, картоном. Писал сразу краской без сколь-нибудь внятного рисунка, обозначив лишь общие контуры изображаемого.

С тематикой ОН определился сразу: иллюстрация событий далёкого исторического прошлого, значимость и достоверность которых лично сам не подвергал сомнению. Окунаясь в выбранный им сюжет с головой в процессе работы над картиной, ОН порой так погружался в тему, что отрывался от действительности не только за мольбертом, но и в реальной жизни. «Тебя опять где-то носит! – восклицала в таких случаях жена. – Вернись, ради бога, на землю, я здесь».

И эта его способность уходить в сюжет картины с головой однажды «выйдет ему боком». И случится это даже не с его собственной картиной.

Так год за годом жил ОН полнокровной интеллектуальной жизнью, не ощущая недостатка людей в своём окружении. ОН долго считал и уверял в том всех интересующихся его

занятием, что пишет исключительно для себя. Просто с удовольствием убивает дарованное ему врачами время жизни. Но нет художника, которому не хотелось бы показать свои картины другим людям. Показал как-то и ОН несколько своих картин на исторические темы далёкому северному краеведческому музею, берегущему память о своих земляках первопроходцах. И был приятно удивлён проявленным к полотнам интересом. Это вдохновило его на создание целой серии тематически однородных картин, иллюстрирующих целый пласт Российской тихоокеанской истории, длиной более 130 лет. Приобретение всей коллекции музеем стало апогеем «живописного» периода его жизни. И ОН не мог не испытать удовлетворения, услышав от знакомого мастера кисти, что такая удача – попасть в фонды хотя бы провинциального музея – выпадает далеко не каждому даже профессиональному художнику.

Хотя к этому знаменательному моменту ОН уже чувствовал некоторую чисто физическую усталость от почти ежедневных живописных трудов на протяжении многих лет, признание общественной полезности его картин поддержало в нем затухающий рабочий энтузиазм.

ОН увлёкся краеведческой тематикой городского округа, в котором проживал. Колоритное старообрядческое купечество, заложившее основу экономики территории, так и просилось под кисть. ОН выбрал фигуры, ранее обойдённые вниманием художников, и создал ещё одну небольшую се-

рию картин. Его целью было – проиллюстрировать события двухсотлетней давности, чтобы оживить, визуализировать, сделать более предметным восприятие посетителями краеведческих музеев, прежде всего детьми, исторического прошлого их родного края. ОН показал картины общественности в нескольких местах. Но местные краеведы их не заметили. Это его удивило и не могло не огорчить. При полном отсутствии в местных музеях живописных работ по истории раннего купечества они отвергли и эти. «Что ж, «не все коту масленица», – сказал он себе.

По некоторым недомолвкам, ОН догадался, что причиной игнорирования местными музейщиками его картин стало отсутствие у него профессиональной подготовки в области живописи. Доморощенной живописи, которую они иначе, как «примитивной», не называли, оказалось не место в фондах местных музеев. Ему дали понять – «знай сверчок свой шесток». Гонору некоторых подмосковных музейщиков могут позавидовать и столичные их собратья.

Своё вторжение в область живописи с претензией на публичную демонстрацию картин, ОН сам считал нахальством и отдавал себе в этом недвусмысленный отчёт. Но никогда не претендовал на что-то большее, чем быть просто иллюстратором страниц прошлого в тех его нишах, которые остались за пределами интересов профессиональных художников.

Никто даже не поинтересовался, на каких условиях ОН собирался передать музеям свою коллекцию. А ОН задумы-

вал сделать это безвозмездно. Впрочем, ОН не был в обиде на кого-либо. Оценка профессионализма местных краеведов не входила в его компетенцию. Было лишь жаль детвору, школьников, для которых наглядность, как известно, является лучшим способом усвоения знаний.

Но постепенно угасавший у него интерес к живописи теперь исчерпал себя окончательно. И совпало это по времени с его семидесятипятилетием, когда ОН с удовлетворением отметил, что обманул прогнозы врачей и прожил дополнительно целых 15 лет. Объяснение этому феномену ОН однозначно находил в своём самозабвенном увлечении живописью, поддерживавшем в нем интерес к жизни и ментальный тонус.

Теперь он как бы вынырнул на поверхность жизни. Прежде ОН не замечал насколько захламлена его однокомнатная квартира, превращённая им в студию. Холсты, рамы и подрамники, многочисленные и не очень чистые принадлежности для масляной живописи во всех углах – все это стало его раздражать. Блаженное спокойствие и уравновешенность, которыми ОН наслаждался долгие годы, сменились бессонницей, беспредметным внутренним беспокойством, неопределёнными желаниями. Затворничество стало его тяготить. Он не мог придумать достаточно интересного для себя занятия. К «пивному ларьку», как это нередко случается с некоторыми, не знающими куда себя деть пенсионерами, его не тянуло.

Женщины уже давно его не интересовали. Те, что были в его жизни, иногда всплывали в его памяти по разным поводам и это, как правило, были приятные воспоминания. Хотя смутные и кратковременные. Последняя его женщина была одновременно и одной из первых в его жизни. Так случилось, что они надолго расставались. По его вине. Спустя два десятка лет, ОН нагло явился с повинной. Она с трудом приняла его назад.

У него была своя жилплощадь, но они долгое время жили вместе в её более просторной квартире. Характер у неё был «крепкий», выковался за два десятилетия работы начальником цеха и секретарём парткома. Но что-то было в обоих, что удерживало их рядом друг с другом. И как-то так у них получилось, что эта последняя женщина в его жизни, общительная от рождения, свыклась с его ежедневным погружением в себя за мольбертом. Привыкла и стала ценить тишину в квартире. Сама стала все чаще искать уединения в своей комнате. Иногда ОН ее жалел. Хотел бы измениться, стать пообщительней, но не мог. И был благодарен ей, что она принимала его таким, какой ОН есть. Она не очень благоволила к его творчеству, держала его на скудном пайке похвал. Тематика картин её не удовлетворяла. Она бы хотела, чтобы ОН занимался интерьерной живописью, пейзажами, в частности. Но здесь ОН был непреклонен.

«Мой мозг спит, – говорил ОН ей в ответ, – когда я малую эти веточки-листочки-цветочки. Они дарят мне лишь крат-

ковременную эмоцию в случае удачного мазка. А мои персонажи на полотнах требуют от меня понимания их сущности, то есть требуют постоянного интеллектуального труда, который поддерживает во мне жизненный заряд».

И она смирилась. Со временем эта женщина, насквозь пропитанная старозаветными женскими предрассудками о семейной жизни, поняла преимущества гражданского брака, с которым никак не могла согласиться в начале их совместной жизни, настаивая на официальном оформлении законных отношений. Потом как-то само собой все утряслось.

Мудрая женщина притерпелась к сложившемуся укладу их жизни. Они стали понимать друг друга с полуслова. Когда жизненные обстоятельства развели их по разным квартирам, их отношения приобрели характер «гостевого брака». Сначала ОН к ней периодически ездил. Потом, когда стал менее мобилен, она стала частой его гостьей.

А потом с ней случилось то, чего каждая женщина ждёт до гробовой доски. Она нашла своего вечно искомого женщиной принца. Можете представить себе, каково ему было это пережить. Производным его нервного срыва был безотчётный страх перед жизнью, которой он стал просто тяготиться. ОН обдумывал разные способы, как уйти. Нашёл один – безболезненный. Но для этого требовалось ещё немного пожить. Тем более, что нужно было закончить заказ для северного музея. ОН не мог обмануть ожидания замечательных женщин, возглавлявших этот музей, подвижниц своего дела.

И как-то втянулся в работу, остыл, успокоился, вошёл в колею.

И вот теперь, «отпраздновав» свой юбилей, ОН почувствовал потребность выйти из своей раковины. Редкие телефонные разговоры его уже не удовлетворяли. ОН стал сильно тяготиться своим бездельем, одиночеством. Словом – познал изначальный смысл понятия «скука». Выходил на улицу, часами сиживал на скамейках то в парке, то в сквере, то на спортивной площадке, а то и на детской, когда она пустовала в будни днём.

Сквер был проходной насквозь и по нему в разных направлениях непрерывно перемещались люди. Не ставя перед собой такой цели, ОН, тем не менее, втягивался в наблюдение за ними. По внешнему виду, по поведению, по обрывкам их разговоров между собой и по мобильнику, по их обращению с детьми, находящимися с ними рядом, старался угадать род их занятий, их экономическое благополучие, особенность семейной атмосферы дома и тому подобное. С усмешкой про себя отмечая за собой сохранение интереса к женской природе, любовался стремящимися к совершенству фигурами отдельных женщин и испытывал сложные чувства к тем из них, кто, по его мнению, забывал о своей природной ипостаси.

Почти постоянными соседями его по скверу были мучающиеся похмельем мужики, кучкующиеся там с утра. Им ОН никогда не отказывал в помощи и сыпал иногда в ладони

карманную мелочь. А если видел, что мужики приличные, семейные, просто загулявшие, то и мелкую купюру давал. От проявлений с их стороны «уважухи» к нему старался побыстрее избавляться.

Среди отдыхающих в сквере и в курсирующей по нему публике всегда было много людей примерно его возраста. В подмосковных городках днем едва ли не большинство населения составляют неработающие пенсионеры. ОН отмечал почти 100-процентную их одинаковость в одежде, непременной принадлежностью которой были потрёпанные джинсы. ОН огорчался при виде тех, кто перемещался с трудом, с тростью или без. Но его устраивало то, что редко кто из них пытался вступить с ним в общение. Ибо их опытов бесед со случайными собеседниками его возрастной группы в других общественных местах знал, что их интересы лежат обычно исключительно в сфере собственного здоровья, цен в магазинах и воспоминаний о счастливом советском прошлом. Это был «отстой». Что-то завязаться здесь не могло. А болячек у него и своих хватало и говорить о них он не любил.

Ни телевидение, ни интернет не задерживали его внимание больше, чем на час-другой. Его мозг, ежедневно забивавшийся информацией в течение, по меньшей мере, полувека, часто просто отказывался воспринимать содержание сюжетов современных фильмов, программ, передач, сайтов. Ему казалось, что все это ОН уже когда-то читал, слышал, видел. Душа требовала какого-то действия, какой-то новизны, ка-

кого-то разнообразия в жизненном укладе. Но к чему может прилепиться душа человека в таком возрасте?

Кто-то начинает захаживать в церковь. Кто – с мыслью скрасить скучное бытовое однообразие старческой жизни, а кого-то влекут туда давние грехи и грешочки, бередящие душу, и он наивно надеется, что сердобольный Господь примет их на себя. Но ОН слишком хорошо знал историю христианской церкви, чтобы доверять ей свою душу. Она представлялась ему учреждением, некогда ловко узурпировавшим роль посредника между Богом и людьми, и на этом построившее и своё благополучие, и власть над умами и душами своих адептов.

ОН сотни раз проходил мимо церквей. Но вошёл под их своды лишь несколько раз за всю жизнь и, отнюдь, не для общения с Богом. Первый раз это случилось в студенческие годы, зашёл просто из любопытства. И это первое посещение церкви стало для него, в некотором роде, символическим. ОН рос в совершенно атеистической семье и единственное, что знал о церковных правилах – это то, что на входе нужно обязательно снять головной убор и перекреститься. Снял, перекрестился, хотя никогда крещён не был. Под высокими тяжёлыми соборными сводами сразу же почувствовал себя мелким, чужим, не свободным. Тут же вспомнил некогда прочтённое, что таким и должен быть эффект громоздкой церковной архитектуры – сразу подавлять волю человека. Маскировка этой её основной функции красивыми архитек-

турными линиями, «узорочьем» фасадов, роскошными иконостасами и великолепной отделкой внутренних помещений также не была для него секретом. И это знание не позволяло ему надеяться, что в таком месте к нему придёт ощущение душевного тепла и уюта. Хотя искусство, поставленное церковью себе на службу, изо всех сил старалось именно этого и добиться.

ОН только собрался пройти, ознакомиться с церковными чертогами, но неожиданно был встречен замечанием молодого розовощёкого священника с жиденькой бородкой, который, оказывается, наблюдал его вход в церковь, и то, *как* ОН крестился. Мол, неправильно креститесь, молодой человек, не от того плеча руку несёте, не католик ли вы случайно? ОН тут же повернулся и ушёл.

Такая мелочная регламентация различий между православной и католической церквями в конце двадцатого века в едином, казалось бы, Христианском Божьем Доме ему показалась дикой. Этот эпизод, хотя и был для него неожиданным, но не удивил его. Он вполне вписывался в уже сложившееся у него мнение о церкви. «Вот так они и отталкивают от себя тех, кто с сомнением впервые заносит ногу на их порог», – подумал тогда ОН. И с тех пор бывал в церквях, только в качестве сопровождающего жены, уступая ее особенно настойчивым просьбам. Головной убор снимал, но, чтобы креститься – ни-ни, никогда.

ОН не был атеистом в полном смысле слова. Наличие

в Природе, вообще в Мироздании, Творца всего сущего – не отрицал. Но Бог представлялся ему не в виде предлагаемого церковью образа всемогущего и непогрешимого старца, а как некое Вневременное Вселенское Извечное Начало. Производным его существования и процессов, объективно в нем текущих, было появление во Вселенной жизни вообще и человечества, в частности. В генах каждого человека, вне и независимо от его сознания, сохраняется память об этом Вселенском событии в виде представления о Праотце – его Творце, независимо от того, отдаёт он себе в этом отчёт или нет, считает ли он себя атеистом или является верным прихожанином церкви.

К Богу, в общепринятом понимании, как Творцу человека, у него были серьёзные претензии. Всю жизнь со школьной поры ОН мучился своей «тупизной» в математике и отвратительной памятью. Это отравляло ему жизнь. Стесняясь своей тупоголовости, ОН не смог подружиться по-настоящему, душевно, ни с одноклассниками, которые были ему симпатичны, ни с кем-либо на жизненной стезе впоследствии. Осознание своей ментальной ограниченности объективно толкало его на путь замкнутости, малообщительности уже в молодые годы.

Неспособность к математике и плохая память оказалось тесно связанными друг с другом. В результате, обожавший механику с детства, ОН плохо справлялся с программой мехфака, насыщенной курсами на основе точных наук, и бросил

институт. Вот тогда ОН и возложил вину на Творца за ограниченность своего мозгового потенциала. За что такая кара?

ОН, естественно, всячески скрывал то, что про себя беспощадно клеймил, как «ментальную убогость». Под ней ОН понимал не только свою неспособность усваивать абстракции точных наук и плохую память, но также и слабое зрение, вкуче с разноглазием. Левый глаз у него был более слабым и практически нерабочим с рождения, следовательно, тормозила и какая-то часть мозга. Вся нагрузка приходилась на правый. Отсюда – медленное чтение, невозможность освоить скорочтение, что в гуманитарной сфере, завязанной на бесчисленные тексты, иначе, как неполноценностью, назвать нельзя. А ему было некуда деваться, как идти в гуманитарный вуз, после неудачи с технологическим.

Упорным трудом, доходящим порой до самоистязания, ОН все-таки добился хорошего профессионального образования. И был сначала вознаграждён красным дипломом, а затем и кандидатской степенью. Годы спустя после защиты диссертации ОН навестил родной факультет и с большим удовлетворением воспринял ходившую там легенду о некоем аспиранте, совершившем немислимое: сделавшем две диссертации на разные темы всего за один трёхлетний аспирантский срок. И этим аспирантом был ОН. Когда уже почти готовая диссертация по идеологическим причинам не была рекомендована к защите, ОН отказался от предложения научного руководителя «подкорректировать немного название и

содержание» и взял с нуля другую тему. И удивил всех, защитившись без единого чёрного шара за день до истечения аспирантского срока. Но дался ему этот «подвиг» серьезным сбоем в здоровье. После банкета по случаю успешной защиты, на котором ОН с трудом заставил себя проглотить всего одну рюмку коньяка, почти две недели провёл на больничной койке с гипотонией и нервным истощением.

ОН на максимум использовал ограниченный ресурс своего мозга и с чувством осторожного удовлетворения шёл по жизни. ОН не маскировал свои недостатки, просто «не высывался» и молчал там, где можно было промолчать. Подспудное осознание им своей ущербности сдерживало его карьерный рост. ОН был хорошим, ответственным работником и ему неоднократно предлагали служебное продвижение, но ОН упорно держался за место рядового сотрудника и отказывался от заманчивых предложений. Место заведующего небольшой кафедрой – это был потолок, который ОН разрешил себе занимать некоторое время.

Время его заведования кафедрой совпало с бурными временами горбачёвской перестройки. ОН был первым из преподавателей института, кто подал в партком заявление на добровольный выход из партии. Что тут началось! Шельмовали, как могли. Попытались подключить студентов. Но тут неожиданно и для Парткома вместе с Ректоратом, и для него самого у гонителей случился облом. ОН даже не догадывался, что в студенческой среде у него есть авторитет, и был

этим приятно удивлён. Потому что считал себя строгим преподавателем и не миндальничал ни с бездельниками, ни с их крутыми родителями. Студсовет выдвинул его кандидатуру на вакантную должность декана. Это предполагало его соперничество с очень им уважаемым профессором и ОН, конечно, отказался. Имела место и другая причина отказа от карьерного роста. Из чувства собственного достоинства ОН не мог допустить удара по самолюбию, если бы на серьёзных начальственных постах обнаружилась его недалёкость.

Эти перестроечные события не прошли для него даром, они вновь выявили у него слабую нервную конституцию. Случился инфаркт. Поэтому в отставку ОН вышел с должности рядового профессора кафедры. Оставил работу сразу, как только достиг пенсионного возраста. В конечном счёте он показал кукиш той высшей силе, которая наложила на него незаслуженную кару в виде ограниченных способностей, заставила его «пахать» в трёхкратном размере, чтобы быть на равных и на плаву вместе с другими, лишив его тем самым множества радостей жизни, которыми наслаждались люди вокруг и рядом с ним.

Теперь ОН жил в маленьком подмосковном городке в нескольких десятках километров от центра Столицы. Чистенький, уютный населённый пункт, сложившийся вокруг ткацкой фабрики ещё в дореволюционное время. Идеальное место для «дожития» пенсионера: торговый центр в соседнем доме, банк – через дорогу, поликлиника в шаговой до-

ступности, ухоженные парк и сквер. Но ничего такого, что могло бы натолкнуть на мысль о каком-либо постоянном занятии, новом увлечении, которое приносило бы ему удовлетворение от жизни.

Выставка Караваджо

Всегда открытой калиткой в другой мир была железнодорожная станция. С тех пор, как жена оставила его, ОН практически перестал ею пользоваться. Теперь же, убедив себя, что «под лежащий камень вода не течёт», и в надежде, что Большой город подскажет ему какую-нибудь идею, решил съездить туда «проветриться». Но ОН уже стал таким домоседом за годы своего затворничества, что под разными предложениями долго откладывал поездку.

Из дома его буквально вытолкнул теле-анонс об открытии в столице выставки картин Микеланджело Караваджо. Его знакомство с биографией и творчеством этого средневекового итальянского живописца было случайным. Что-то в жизни художника и в ее трактовке биографами было интригующим, и ОН посетил с помощью Интернета несколько европейских музеев, демонстрирующих его полотна. Картины произвели на него сильное впечатление своим беспощадным натурализмом, эмоциональной аффектацией чувств, мощным колоритом, насыщенностью контрастов, творческой трактовкой библейских событий.

На Московской выставке ОН ожидал увидеть воочию эти шедевры. Но был сначала немного разочарован. Публике были представлены всего 11 картин и не все они его захватили

при более раннем знакомстве с ними. В тот день освещение в зале было приглушенным. Видимо, устроители выставки хотели ещё резче выделить яркие фигуры на полотнах. Но ОН не почувствовал того эффекта, который ими ожидался, так как фоны картин Караваджо итак часто были темными и очень темными, резко контрастировали с изображением.

ОН давно заметил эту характерную особенность работ Живописца. И пришёл к выводу, что сплошной тёмный фон был призван не только оттенять яркость изображения. Художник прятал за ним окружающий интерьер. Караваджо, в отличие от большинства средневековых художников, всегда помнил, что изображает события полутора тысячелетней давности. О ландшафтах и интерьерах той эпохи он мог только догадываться. Сам он никогда не бывал на Ближнем Востоке, если вообще где-нибудь бывал за пределами родной Италии, и природы Палестины не видел. Но он отличался скрупулёзной точностью в деталях своих произведений и, не желая давать лишний повод своим многочисленным оппонентам для критики, использовал тёмные фоны в своих работах, скрывая детали интерьеров прошлого. А помещать своих героев в современную ему средневековую обстановку, чем злоупотребляли его соратники по ремеслу, Художник, по возможности, избегал.

ОН не стал задерживаться у «эротического» типа полотен, таких как: «Юноша с корзиной фруктов», «Спящий амур», юный «Иоанн Креститель». Они писались Художником в

основном по заказам для украшения будуаров и спален во дворцах римской знати. Нередко он сам себе и позировал, используя зеркало. Он был очень недурён собой. А натурщики стоили дорого.

Вдоль этого ряда картин перемещалась живописная группа молодых людей, юношей и девушек, слышны были приглушенные смешки и итальянская речь: «Ступэндо, мэравильозо, мистэриозо, фаволзо, магнифико, пэрфэтто» и тому подобные восклицания. На них шикали зрительницы зала, но они делали вид, что не понимают, отвечали: «си, коса, нон каписто, ва бэнэ, чэртэ».

Но ОН пришёл на выставку ради других картин. Его интересовала живописная интерпретация библейских сюжетов, образы Христа. Особенно ТА картина! И состояние возбуждения, с которым он вошёл в выставочный зал, всё больше и больше давало о себе знать.

В своё время, начиная заниматься живописью, ОН задумал серию, иллюстрирующую более или менее исторически достоверные события, описанные в Библии. И частично осуществил идею. ОН вспомнил об этом, разглядывая «Поклонение пастухов», «Обращение Савла», «Бичевание Христа» – сюжеты, некоторые из которых и сам когда-то разрабатывал. И с удовлетворением отметил оригинальность своих композиций и смысловых трактовок. Но ОН подавил в себе этот проблеск самолюбования, вспомнив насколько примитивны были те первые его картины с точки зрения техниче-

ского исполнения.

Однако тут же в памяти всплыло давнее и уже подзабытое приятное событие, когда ОН впервые представил свою библейскую серию на суд профессионального искусствоведа. К тому времени ОН уже оставил библейскую тематику и, сделав смартфоном с десяток фотографий картин, убрал их в дальний угол. В канун очередной Пасхи, проходя мимо Выставочного зала в Подольске, ОН увидел анонс о демонстрации постеров русских икон и зашел в зал. ОН присоединился к экскурсии, а по окончании подошел к миловидной женщине, ее проводившей, с вопросом, касающимся одного из сюжетов демонстрируемых копий икон. Женщина, обладавшая голосом с удивительным приятными для его слуха тембром и интонационными модуляциями, оказалась штатным искусствоведом Выставочного зала, и в ходе разговора с ней у него возникла мысль показать ей снимки своих картин. ОН уже достал было смартфон из кармана, но, крайне невысоко ценя свои работы, так и не решился сделать это. Только попросил разрешения как-нибудь на днях показать свои любительские опыты. Она с улыбкой, показавшейся ему обворожительной, охотно согласилась и предложила не откладывать надолго. То, с каким изяществом она повернулась, собираясь уходить, и как плавно понесла свое тело в проем двери ее кабинета, доконали его. Очень, очень давно женщины так не волновали его кровь. Многолетнее затворничество и половой аскетизм дали чувственную течь, которую ОН, казалось бы, ни-

как не мог ожидать от себя.

И на следующий день, не в последнюю очередь ради того, чтобы вновь окунуться в ее голосовой океан чувственного звука, ОН вернулся и в крайнем смущении показал искусствоведу свои фотографии. ОН демонстрировал свои картины лишь для того, чтобы узнать мнение профессионала о своих любительских самоделках, а получил предложение устроить его первую персональную выставку, показать все, что успел сделать к тому времени. Сам ОН был невысокого мнения о своих работах и никак не ожидал, что искусствовед «положит глаз» на его «Правду дочерей Лота» и попросит продать картину. Конечно, ОН просто подарил ей это полотно. И совсем уж не ожидал, что ей захочется впоследствии приобрести еще и картину «Недоумение плотника Иосифа», которую сам считал одной из самых неудачных....

Эти воспоминания тут же улетучились, как только ОН увидел издалека громадное полотно Караваджо: «Положение во гроб». Подходя к нему, ОН разминулся с двумя девушками, отходившими от картины.

– Такое впечатление, – говорила одна из них, – что «качки» хоронят «кореша».

– И я ни в жизнь не поверю, – отвечала другая, – что Христос занимался бодибилдингом.

– А этот, справа, что за ноги держит. Это ж ноги коня тяжеловеса, борца или штангиста....

– Или грузчика, – хохотнула, догнавшая подруг третья де-

вушка.

Но ОН был так сосредоточен на предстоящей встрече воочию с ТОЙ картиной, что эта грубая её оценка недалёкими детьми новой эпохи прошла мимо его сознания.

Это полотно гипнотизировало его ещё с экрана монитора. По натуре ОН был очень впечатлительным человеком, с легко откликающейся на эмоциональную неординарность нервной системой. А за годы затворничества эта его слабость приобрела едва ли не гипертрофированный характер. Даже случайный разговор с незнакомыми людьми мог привести к резкому повышению у него давления и к тахикардии.

В тот вечер, когда ОН впервые рассматривал картину «Положение во гроб», ему пришлось глотать анаприлин. Пульс просто сошёл ума, строчил как пулемёт, настолько ОН ни с того ни с сего, казалось бы, разволновался. И сам не понимал – почему? ОН переходил к просмотру других картин Караваджо на сайте, но раз за разом возвращался к этой. Нашёл в Интернете других «Мёртвых Христов», созданных немцем Гансом Гольбейном Младшим и французом Филиппом де Шампень. Но особых, неординарных, эмоций и чувств не испытал. Хотя, конечно, не мог не задержать взгляда на работе Гольбейна «Мёртвый Христос во гробе». Её сюжет являлся как бы логическим продолжением сюжета Караваджо «Положение во гроб». Хотя Гольбейн создал своё полотно значительно раньше, почти за век до появления работы Караваджо.

Он сразу же вспомнил дневники Анны Достоевской – жены Фёдора Достоевского. Она описала состояние эмоционального возбуждения, продолжительного ступора, который испытал писатель, стоя рядом с картиной Гольбейна. О том, что впечатление, действительно, было очень глубоким, свидетельствует включение Достоевским этой картины в одну из важных сцен его «Идиота».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.